

непочтительное отношение к графам и другим сеньорам и ко всем тем, кто сделал ему столько добра. Он даже не поехал повидаться с ними в лагерь, как имел обыкновение делать раньше. Они же постоянно обращались к нему, прося выплатить деньги, которые император был им должен. Алексей IV же, со своей стороны, все откладывал и откладывал уплату; время от времени он выделял им жалкие суммы и наконец вообще перестал выплачивать и их.

Маркиз Бонифаций Монферратский, который сделал для императора больше других и который был с ним в лучших отношениях, чем другие сеньоры, часто виделся с ним. При этих встречах он упрекал его за вину перед ними и не упускал возможности напомнить о той великой службе, что они ему сослужили. Но император всегда находил новые отговорки и не выполнял ни одно из своих обещаний. Наконец сеньорам пришлось признать, что, каковы бы ни были его намерения по отношению к ним, ничего хорошего в них нет.

И предводители крестоносного войска, а также дож Венеции собрались на совет, где сказали, что теперь-то поняли – император не собирается выполнять никаких обязательств, данных им, и что он никогда не говорил им правды. Они решили послать к нему уважаемых послов, чтобы напомнить ему о тех услугах, которые они ему оказали, и потребовать выполнения договора. Если он выразит согласие, то послы примут это согласие, а ежели нет, то они должны бросить ему от их имени вызов и твердо объявить – крестоносцы сделают все, что в их силах, дабы получить причитающиеся им деньги.

Послами, избранными для этой миссии, стали Конон де Бетюн, Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, и Милон ле Бребан де Провенс, а также три главных советника дожа Венеции. Послы оседлали своих коней и, опоясавшись мечами, сообщая поскакали ко Влахернскому дворцу. Нет необходимости говорить, что по причине вероломства греков их ждало весьма опасное и трудное дело.

У ворот они спешили и вошли во дворец, где увидели императора Алексея IV и императора Исаака II, его отца, восседавших бок о бок на двух тронах; а рядом с ними сидела императрица, которая была супругой отца и мачехой сына и к тому же сестрой короля Венгрии, дама прекрасная и добрая; и было с ними множество знатных мужей, и все это походило на двор могущественного властителя.

От имени остальных послов слово молвил Конон де Бетюн, который был мудр и красноречив. «Ваше императорское величество, – сказал он, – мы пришли от лица предводителей войска и от дожа Венеции. Они хотели бы напомнить о той великой службе, которую сослужили вам, как это ведомо всякому и всеми признано. Вы поклялись, вы и ваш отец, выполнить соглашение, которое заключили с ними, и у них имеются ваши грамоты об этом. Тем не менее вы не соблюли соглашения так, как должны были.

Многажды увещевали вас об этом, и перед всеми вашими сеньорами мы призываем вас соблюсти договор, который заключен между вами и ими. Ежели вы это сделаете, то они будут вполне удовлетворены; а ежели нет, то знайте, что с этого часа они не станут считать вас ни своим сеньором, ни своим другом и постараются добиться того, что им причитается, всеми способами, какими только сумеют. Они попросили нас сказать вам, что не причинили бы вам зла, ни вам, ни кому-либо другому, не бросив честного вызова. Они никогда не совершали предательства, и в их стране нет обычая поступать таким образом. Вы слышали то, что мы должны были вам сказать. И теперь вам решать, какие действия вы сообразоволяете предпринять».

Греки были глубоко изумлены и потрясены таким открытым вызовом и сказали, что никто и никогда не отваживался бросать вызов императору Константинополя в его покоях. Император Алексей IV и все остальные греки, которые в прошлом так часто встречали крестоносцев улыбками, теперь смотрели на послов злобно.

Зал заполнился гневными голосами. Послы повернулись, чтобы уйти, подошли к воротам и вскочили на своих коней. Среди них не было никого, кто от всей души не возрадовался бы, что они оказались за пределами дворца. Это было не столь удивительно, ибо они с трудом избежали опасности быть убитыми или взятыми в плен. По возвращении в лагерь они рассказали сеньорам, как выполнили их поручение.

Так началась война; и каждая сторона старалась причинить другой наибольший вред. Два войска сражались друг с другом в самых разных местах, но, благодарением Божиим, они не встречались в бою без того, чтобы греки не теряли больше, чем французы. Война длилась таким образом очень долго, до глубокой зимы.